

Фереаль Виктор

Тайны инквизиции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В43

В43 **Виктор Ф.**
Тайны инквизиции / Фереаль Виктор – М.: Книга по Требованию, 2022. –
358 с.

ISBN 978-5-521-28102-2

ISBN 978-5-521-28102-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рѣвъ съ минуту на незнакомца, отвѣтилъ ему тоже однимъ словомъ: «Кораца».*)

— Меня посылаетъ Богъ, прибавилъ незнакомецъ на таинственномъ инквизиціонномъ языкѣ. Слово это *главнаго инквизитора* всего государства, провинціи, или всю *инквизицію* вмѣстѣ взятую.

— Онъ имѣетъ власть надъ людьми, отвѣчалъ монахъ.

— Идите за мной, достопочтенный отецъ, продолжалъ мірянинъ.

Монахъ повиновался и пошелъ рядомъ съ проводникомъ такъ спокойно, какъ будто ожидалъ его. Оба не проронили больше ни одного слова.

Они вошли въ Гитанскую улицу, длинную, грязную, кривую; освѣщенную только свѣтомъ, падавшимъ изъ оконъ тавернъ, которыя встрѣчались здѣсь на каждомъ шагѣ и изъ которыхъ слышались шумъ, крики и буйные голоса.

Тутъ веселились и пьянствовали въ это время мошенники, негодяи и подобный имъ народъ.

Дойдя до одной таверны, освѣщенной лучше другихъ, незнакомецъ остановился и знакомъ пригласилъ монаха войти.

Францисканецъ, не колеблясь, вошелъ въ это ужасное мѣсто, тогда никто не удивлялся, видя монаха въ тавернѣ. При томъ извѣстно, что въ Испаніи, они во всякое время вмѣшивались во всѣ неблагоприятныя дѣла, что и было вѣроятно причиною нерасположенія къ нимъ.

Зала, въ которую вошелъ францисканецъ, была низкая, длинная и темная, съ черными, закопѣлыми стѣнами, по которымъ, какъ мозаическіе іероглифы, шли трещины. Вдоль стѣнъ, передъ грязными столами, выполированными вѣроятно локтями посѣтителей, тянулись полуизломанные скамьи.

На стѣнахъ были налѣплены грубыя изображенія мадонъ, чтимыхъ въ Испаніи, или ужасныя картины ауто-да-фе. Передъ каждымъ изображеніемъ горѣло по двѣ тонкія восковыя свѣчки или оловянный починикъ, вмѣсто лампадки. Другаго освѣщенія ночью въ тавернѣ не было.

Къ перекадинамъ потолка были прикрѣплены желѣзные крючья, на которыхъ висѣли окорока, куски свѣжаго мяса, свиного сала, а также мужскія шляпы и плащи.

Страшно было смотрѣть на отвратительный сбродъ, сидящій за столами таверны; тутъ были и воры, и гадальщицы, и гитано, и монахи, и служители инквизиціи; при слабомъ, мерцающемъ освѣщеніи они

*) «Кораца» — высокая остроконечная шапка, которую тоже надевали на приговоренныхъ къ сожженію. На ней были изображены діаволы, адскія мученія и проч.

назались демонами, собравшимися въ пещерѣ и сидящими подѣ висѣлицами.

Монахи въ сандаліяхъ, и босые гитано неслышно ходили по влажному земляному полу залы; смѣшанные звуки хриплыхъ голосовъ подходили на мрачное пѣніе псалмовъ. Это гадкое мѣсто вселяло ужасъ и отвращеніе. Таковы были таверны предмѣстья Триана до 1822.

Францисканецъ сѣлъ въ концѣ зала за столомъ, гдѣ никого еще не было, и пригласилъ своего спутника.

— Сейчасъ, отвѣчалъ незнакомецъ, мнѣ надо прежде поговорить съ Чапой; при этомъ онъ указалъ на молодую дѣвушку, стоявшую у дверей кухни, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Ее такъ называли по ея красотѣ.

Чапа, сестра хозяйна таверны, была стройная хорошенькая смуглянка, въ короткой красной шерстяной юбкѣ; блестящіе черные волосы падали двумя длинными косами почти до колѣнъ; широкій оранжевый бантъ былъ прикрѣпленъ на головѣ длинными блестящими стальными шпильками, грани которыхъ, какъ звѣзды, блестѣли вокругъ ея хорошенькой головки.

Незнакомецъ подошелъ къ ней свободно и спросилъ ее вполголоса: «Фраско пришелъ, Чапа?»

— Нѣтъ еще, отвѣчала дѣвушка, но онъ долженъ скоро прійти; я послала брата Кoko предупредить его, что сенъора Долоресъ выйдетъ изъ дома въ полночь. Фраско непременно прійдетъ сюда повидаться съ вами и съ этимъ святымъ человѣкомъ.

Говоря это, Чапа съ любопытствомъ посмотрѣла на благородное и прекрасное лицо монаха.

«Это повѣренный святѣйшаго отца инквизитора, Петра Арбуэса; я встрѣтилъ его на Трианскомъ мосту, какъ назначилъ мнѣ отецъ инквизиторъ, и намъ теперь не достаетъ только Фраско для исполненія нашего намѣренія, если только сенъора Долоресъ сдержитъ свое слово».

— Она сдержитъ слово, сенъоръ, отвѣчала Чапа, я сама отнесла ей письмо отъ ея жениха, написанное Петромъ Сааведра (*) по приказанію его эминенціи.

(*) Сааведра былъ извѣстный интриганъ, который съ необыкновеннымъ искусствомъ подписывался подѣ чужую руку. Такъ, напримѣръ, съ помощью одного іезуита, подложной папской буллы и писемъ Карла Пятаго, онъ установилъ въ Португаліи инквизицію и іезуитское общество. Своимъ искусствомъ онъ нажилъ огромное состояніе. Наконецъ его схватили въ Малагѣ, при выходѣ изъ церкви, и инквизиторъ Табера сослалъ его на десять лѣтъ въ каторжную работу; однако установленное имъ общество и инквизиція были утверждены.

Но девятнадцать лѣтъ спустя, Филиппъ II призвалъ его и помѣстилъ при своемъ дворѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1575 году, окруженный всевозможными почестями. Послѣ него осталось болѣе 400,000 дукатовъ (1,000,000 франковъ).

— И молодая дѣвушка тотчасъ согласилась на свиданіе? спросилъ незнакомецъ, котораго звали Энрикецъ.

— Она сначала не соглашалась; но письмо было написано такъ убѣдительно! Дѣло шло о жизни жениха, и молодая дѣвушка согласилась на все, что я говорила ей. Она придетъ непременно сегодня вечеромъ въ назначенное мѣсто. Не забудьте, прибавила сестра Кокко, что я много содѣйствовала успѣшному окончанію этого дѣла; и старалась всѣми силами уладить его.

— Слава Богу, вскричалъ съ притворнымъ умиленіемъ Энрикецъ; ты вѣрно колдунья, Чапа, и отецъ инквизиторъ прекрасно поступилъ, что выбралъ именно тебя для исполненія своей священной воли. Ты, вѣдь, хорошо понимаешь, Чапа, что нашъ святой инквизиторъ всѣми силами желаетъ спасти отъ адскихъ мукъ душу этой молодой дѣвушки, а для этого необходимо помѣшать ся браку съ сыномъ Маррано внукомъ Мавра.

— Да, это правда! сказала, крестясь, Чапа. Отецъ нашъ святъ и всегда дѣйствуетъ по волѣ неба. Но, прибавила она со страхомъ, не называйте меня больше колдуньей, а то, пожалуй, за свою вѣрную службу инквизиціи, я попаду на первое ауто-да-фе, которое будетъ въ честь побѣдъ короля Донъ-Карлоса, нашего любимаго государя.

— Успокойся, Чапа, тебѣ нечего бояться, потому что ты настоящая католичка, да и вѣрная слуга святой инквизиціи. Да, у насъ непременно скоро будетъ большое ауто-да-фе, это не первое уже въ царствованіе нашего короля Донъ-Карлоса, и я обѣщаю тебѣ такое мѣсто, съ котораго ты превосходно увидишь, какъ будутъ поджаривать этихъ собакъ-еретиковъ.

— Вы не шутите, сеньоръ? вскричала Чапа и весело захлопала въ ладоши. Неужели я увижу, какъ будутъ жечь еретиковъ? Вѣдь, ихъ, говорятъ, пятнадцать человѣкъ, да еще много будетъ такихъ, которыхъ помилуютъ, если они покаются, и удавятъ прежде чѣмъ сжечь. О! какъ это будетъ чудесно! Сеньоръ Энрикецъ, вы не обманете меня, дадите хорошее мѣсто, когда будетъ ауто-да-фе, не правда-ли?

— Клянусь тебѣ, отвѣчалъ Энрикецъ, Отцемъ и Сыномъ и Святымъ духомъ, что, съ позволенія отца инквизитора Севильи, я доставлю тебѣ это наслажденіе. Чудесное будетъ зрѣлище, прибавилъ онъ, вполне довольный восторгомъ и усердіемъ Чапы.

Но, еслибъ онъ взглянулъ попристальнѣй на молодую дѣвушку, то вѣрно замѣтилъ бы, что ея пунцовыя губы были блѣдны, въ блестящихъ глазахъ выражался ужасъ, и сердце сильно и неровно билось подъ чернымъ бархатнымъ корсажемъ.

И не удивительно, что на Чапу нападалъ ужасъ, когда говорили объ исполненіи приговоровъ инквизиціи: ея предки не были чистыми

католиками, и она боялась инквизиции, и ради этого сдѣлалась ей усердной слугой; не совсѣмъ успокоенная словами хитраго Христова воина, т. е. служителя инквизиции, она вскричала, стараясь придать голосу радостное и восторженное выраженіе:

«Ахъ! какъ это будетъ чудесно, какъ я буду счастлива!»

Въ эту минуту глаза ея встрѣтились съ пристальнымъ взглядомъ монаха, отъ котораго не ускользнуло ни одно слово изъ ея разговора съ Энрикецомъ; онъ замѣтилъ также и выраженіе ея лица...

«Теперь, дочь моя, подай намъ вина,» сказалъ Энрикець.

Чапа была очень рада этому приказанію, потому что ее тревожилъ пронизательный взглядъ большихъ черныхъ глазъ монаха, и тяжело ложился на душу разговоръ съ Энрикецомъ, во время котораго она поминутно боялась выдать себя. Легкая и живая, Чапа исчезла въ дверь и скоро вернулась съ виномъ.

Но только что Энрикець подоdvинулъ къ столу скамейку и хотѣлъ сѣсть, какъ въ таверну вошелъ новый посѣтитель. Онъ подошелъ къ служителю инквизиции и показывая глазами на монаха, спросилъ его.

«Это онъ?»

— Онъ самый, сенъоръ Фраско, отвѣчалъ Энрикець.

Францисканецъ всталъ и скрестилъ на груди руки. Фраско сдѣлалъ тоже; потомъ монахъ скрестилъ руки пальцами внизъ и наклонился къ Фраско, который сдѣлалъ тоже самое, такъ что они коснулись головами другъ друга. Это было условное привѣтствіе между служителями инквизиціоннаго суда.

Но Фраско не удовольствовался этимъ. Онъ распахнулъ на груди полукафтанье и показалъ Францисканцу серебряную бляху, на которой было изображеніе Христа, съ солнцемъ на груди, что означало символъ свѣта.

Францисканецъ не отвѣчалъ на этотъ послѣдній знакъ.

Фраско посмотрѣлъ подозрительно на Энрикеца.

Но Энрикець отвѣтилъ ему взглядомъ, въ которомъ выражались спокойствіе и увѣренность.

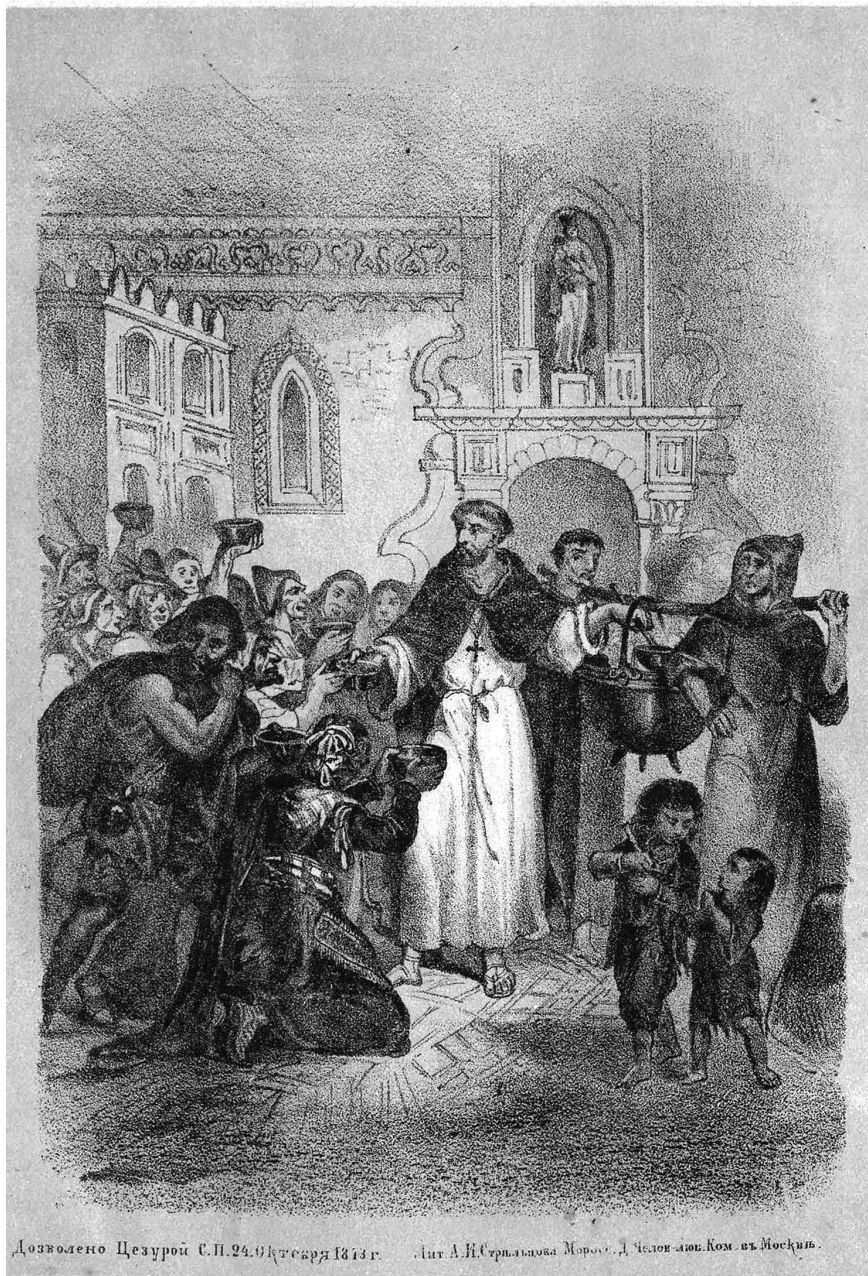
«Онъ не изъ нашихъ», прошепталъ глухо Фраско.

Энрикець покачалъ сомнительно головой.

«Говорю тебѣ, что онъ не изъ нашихъ, повторилъ Фраско съ яростью и крѣпко сжимая руку Энрикеца; намъ измѣнили, слышишь-ли ты, измѣнили?»

Хотя разговоръ этотъ шелъ тихо, но посѣтителю таверны успѣли замѣтить, что происходитъ что-то не совсѣмъ мирное, и глаза всѣхъ устремились на монаха, который стоялъ такъ спокойно, что казалось былъ скорѣе зрителемъ, чѣмъ участникомъ происходившаго передъ нимъ.

На нѣкоторыхъ изъ посѣтителей таверны величественный видъ мо-

Дозволено Цезурой С.П. 24 Октября 1813г. Лит. А.И. Стрельцова Морос. Д. Челов.-люб. Ком. въ Москвѣ.

наха произвелъ такое впечатлѣніе, что они стали тихонько роптать на Фраско и Энрикеца и даже угрожать имъ.

Служители инквизиціи зная, что посѣтителѣ таверны, все до одного, вступятся за монаха, и хотя знали также, что обида, нанесенная имъ, будетъ жестоко отмщена, но не хотѣли заводить ссоры съ жителями Трианскаго предмѣстья, а рѣшились дѣйствовать на нихъ страхомъ инквизиціоннаго суда.

Чтобъ достигнуть цѣли, Фраско употребилъ хитрость и, обращаясь къ посѣтителямъ таверны, которые приняли было угрожающія позы, вскричалъ:

«Братья, если вы настоящіе католики, такъ вѣрно не станете держать сторону врага инквизиціи?»

Трудно себѣ вообразить, какое могущественное дѣйствіе произвели эти слова на присутствующихъ. Самые смѣлые и рѣшительные изъ нихъ поблѣднѣли и вздрогнули; никто не смѣлъ произнести ни одного слова.

Но въ тоже самое время Францисканецъ, не смотря на гнѣвъ Фраско и на изумленіе остолбенѣвшихъ бандитовъ, тихо пошелъ къ двери.

«Какъ! закричалъ Фраско, неужели вы его выпустите отсюда? Зовите скорѣй сборовъ святой инквизиціи».

— Я, я позову ихъ! вскричала въ ужасѣ Чапа.

Но только что она кинулась къ двери и хотѣла отворить ее, чтобъ убѣжать поскорѣй отъ угрожающей опасности, какъ встрѣтила долгій и глубокій взглядъ монаха, и подъ обаяніемъ этого чудеснаго взгляда, упала на колѣна, простирая къ нему руки.

Въ тоже время, по какому то тайному сочувствію, бывшіе въ тавернѣ протянули къ Францисканцу руки, какъ бы умоляя его о милости и защитѣ.

Монахъ обернулся къ безмолвной толпѣ и, благословивъ ее, поспѣшно вышелъ изъ таверны. Никто не преслѣдовалъ его; самъ Фраско какъ будто забылъ объ этомъ.

«Намъ измѣнили, безразсудный!»! вскричалъ онъ наконецъ, обращаясь къ Энрикецу, который все еще не могъ прійти въ себя отъ изумленія.

— Онъ ничего не знаетъ, возразилъ Энрикецъ.

— Ну, такъ скорѣй за дѣло! сказалъ успокоенный Фраско; мы и вдвоемъ управимся.

И оба вышли изъ таверны.

II.

Дворецъ Гордуњи.

Въ концѣ Трианскаго предмѣстья стояли развалины дома, въ мавританскомъ вкусѣ, служившія убѣжищемъ для ночныхъ птицъ (*).

Нищіе, у которыхъ не было пристанища, и беззаботные гитано, часто проводили здѣсь теплыя ночи Андалузін, въ теченіе которыхъ всякое убѣжище бесполезно; зимою же, бѣдныя старухи искали тутъ защиты отъ холоднаго вѣтра.

По огромнымъ размѣрамъ полуразрушившихся стѣнъ и по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ еще архитектурнымъ украшеніямъ, не трудно было догадаться, что здѣсь было когда-то обширное и великолѣпное зданіе; уцѣлѣвшая еще длинная и легкая, изящная колоннада поддерживала сводъ, на которомъ прекрасно сохранились всѣ арабески. Эта колоннада, вѣроятно украшавшая прежде залъ, оканчивалась совершенно сохранившеюся стѣною; двери были еще довольно крѣпки.

Тамъ и сямъ между развалинами росли дикіе кустарники, злаки съ блѣдно-розовыми цвѣтами, душистые левкои, шиповникъ и дикій лавръ, составлявшіе единственное украшеніе развалинъ.

Эти развалины служили сборнымъ мѣстомъ «братства Гардуњи» (*); это былъ *дворецъ начальника ордена*.

Въ описываемое нами время, въ Испаніи уже существовало общество воровъ, покровительствуемое нѣкоторыми членами полиціи. Главою этого общества или братства, возникшаго въ пятнадцатомъ столѣтіи, былъ въ Севильи, странный на видъ человѣкъ, важный и въ то же время насмѣшливый, выражавшійся, если можно такъ сказать, отвратительно-живописно, но составлявшій впрочемъ, по крайней мѣрѣ, по характеру такой типъ, о которомъ дошло преданіе до насъ и который еще встрѣчался въ Испаніи въ 1821 году.

(*) Испанскіе католики мало дорожили чудесными зданіями, оставленными Маврами, и предоставили большую часть изъ нихъ нищимъ, ворами и гитано. Впрочемъ нѣсколько изъ самыхъ замѣчательныхъ зданій было занято монахами.

(*) Братство Гардуњи—братство хищничества. Подъ этимъ названіемъ, существовало въ Испаніи тайное общество, съ 1417 по 1821 годъ; оно состояло изъ разбойниковъ, воровъ и негодяевъ вообще. Это отлично учрежденное общество совершало всевозможныя злодѣянія; оно бралось, за условленную плату, наносить пинкальные удары, смертельныя или несмертельныя, смотря по желанію того, кто заказывалъ ему эту работу; бралось топить, рѣзать, бить палками. За убійство платилось дорого, но за то, что было обѣщано братствомъ, то исполнялось въ точности и непремѣнно.

Въ февралѣ 1534 г., въ тотъ самый вечеръ, который мы описывали въ предыдущей главѣ, во дворцѣ братства Гардуньи происходила любопытная и оригинальная сцена.

Было около десяти часовъ, когда тяжелая дверь, ведущая въ залъ, отворилась. Въ нее, тихо и соблюдая установленный братствомъ порядокъ, вошло человекъ тридцать мужчинъ и женщинъ.

Посреди залы, освѣщенной факелами, утвержденными въ пробояхъ, вдѣланныхъ въ колонны, стоялъ начальникъ братства.

Это былъ человекъ высокаго роста, худощавый, но сильный; его лицо оливковаго цвѣта, съ нѣсколькими рубцами, выражало смѣсь хитрости, дерзости, хладнокровія, а въ улыбокѣ проглядывала насмѣшка. Голосъ былъ громокъ и повелителенъ; когда онъ приказывалъ, то въ его движеніяхъ и взглядѣ было много энергіи, силы воли. На немъ была толстая холщевая рабашка и коричневый камзолъ, перекинутый черезъ плечо въ родѣ плаща, и широкіе холщевые панталоны, далеко не доходившіе до сплюснутыхъ, морщиноватыхъ ступней, къ которымъ были привязаны альпаргатасы, т. е. обувь, похожая на сандалии.

Его звали Мандаменто.

Люди, вошедшіе въ залъ, окружили своего начальника.

Каждый занялъ свое мѣсто; по правую и по лѣвую руку Мандаменто помѣстилъ два молодые «гуапо». Одного звали Манофино, легкая рука; онъ такъ искусно наносилъ на ходу удары кинжаломъ, что жертва его падала, не зная, кѣмъ нанесенъ былъ ей ударъ; при томъ онъ отлично стрѣлялъ изъ пистолета.

Глава братства назывался старшимъ братомъ (*hermano mayor*). Подъ начальствомъ его были провинціальныя агенты (*carotages*) обязанные слѣпо повиноваться ему во всемъ. Остальные члены этого многочисленнаго общества были: Гуапо (*Guaros*),—бандиты, не боявшіеся ни пытки, ни висѣлицы; ихъ называли тоже «проказывателями». Задиришки (*Florendores*); это были ловкіе молодые люди, бѣжавшіе изъ тюремъ Севильи, Малаги; братство называло ихъ еще послушниками. «Раздувательные мѣха» (*Los fuelles*), названные такъ потому, что должны были «вдувать» начальнику въ уши все, что узнавали гдѣ нибудь, благодаря своему лицемѣрью и притворной набожности. Это были старики, которые въ свободное время присутствовали въ церквахъ. «Укрывательницы краденыхъ вещей» (*Sobertero*) были большею частію старухи; «Чивато» (*Chivatos*) мальчики отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, исполнявшіе различныя обязанности; изъ званія «Чивато» они поступали въ «послушники» а потомъ въ «гуапо». «Сирены» (*Serenos*) были молодыя, хорошенькія женщины, фаворитки, большей частію, важныхъ членовъ братства; онѣ заманивали, кого нужно было, въ мѣста удобныя для «операций» Гардуньи. Присоедините еще сюда множество алгвазиловъ, канониковъ, прелатовъ, инквизиторовъ и пр., и вы будете имѣть понятіе объ ужасномъ «братствѣ» существовавшемъ въ Испаніи болѣе 4-хъ столѣтій. Послѣдній начальникъ его, съ 16-ю сообщниками, былъ повѣшенъ въ Севильи 25 ноября 1822 года. Бумаги, относящіяся до дѣла «Братства» спасли, письма, уставъ и пр. находились въ уголовномъ судѣ Севильи еще въ 1823 году.

Другаго звали Куерпо-де-Гьерро, желѣзное тѣло. Онъ былъ три раза пытанъ и ни разу не сознался въ своихъ преступленіяхъ, ни разу не выдалъ никого; казалось, что тѣло его не могло ощущать боли.

За ними слѣдовали два старика, прозванные «раздувательными мѣхами»; это названіе относилось ко всемъ членамъ общества, которые служили ему доносчиками и проводниками вездѣ, гдѣ только предполагалось воровство. Нѣсколько старухъ, нѣсколько чивато, въ разныхъ одеждахъ, и наконецъ, нѣсколько молодыхъ женщинъ, названныхъ «сиренами»; это были баядерки главныхъ лицъ братства. Онѣ, между прочимъ, обязаны были смягчать сердца судей и прокуроровъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь братьевъ Гардуньи. Имъ случалось нерѣдко соблазнять и сладострастныхъ канониковъ и пріоровъ, которые имѣли тогда безграничное вліяніе на духовную и свѣтскую власти.

Нѣсколько поодаль отъ этого кружка, стоялъ молодой человѣкъ, котораго звали Гарабато.

Сеньоръ Мандаміенто окинулъ собраніе взглядомъ, набожно перекрестился и, повернувшись къ грубому изображенію Пресвятой Дѣвы прильпленному къ стѣнѣ, пробормоталъ молитву.

Всѣ присутствующіе слѣдовали его примѣру.

Потомъ Мандаміенто обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

«Благородные и усердные князькишки, раздувательные мѣхи, задиришки, укрыватели краденыхъ вещей, сирены, чивато и другіе члены почтеннаго братства, привѣтствую васъ! Да хранить васъ Господь Богъ и Его Пресвятая Матерь отъ полицейскихъ, отъ висѣлицъ, отъ кобылки, отъ пытокъ и признаній, которыя вамъ приносятъ смерть и подвергаютъ опасности вашихъ братьевъ.

«Я собралъ васъ сегодня, чтобъ посоветоваться объ одномъ очень интересномъ для насъ дѣлѣ.

«Вы знаете, дѣти мои, что съ тѣхъ поръ, какъ вы трудитесь, съ Божіей помощью, подъ моимъ управленіемъ, у насъ было только двѣнадцать «воздушныхъ путешествій» (*), около сорока «прогулокъ на ослѣ» (**) и нѣсколько «завербованныхъ въ королевскій флотъ» (***).

«Васъ попадалось въ шестеро больше, когда я не былъ вашимъ начальникомъ; въ «волчью пасть» (****), попало не болѣе подутораства человѣкъ, и я увѣренъ, что изъ тридцати, которые теперь въ его зубахъ, не болѣе трехъ повѣшено, да въ королевскій флотъ завербовано человѣкъ пять или шесть; да двѣнадцать прогулялось на ослѣ. Думаю тоже, что у насъ будетъ двое, трое наказанныхъ кнутомъ, да

(*) Повѣшенныхъ.

(**) Въ Испаніи извѣстныхъ преступниковъ возили по городу на ослѣ.

(***) Сосланныхъ на галеры.

(****) Въ тюрьму.